Кончина Копёнкина / рвссказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Кончина Копёнкина / рвссказ КОНЧИНА КОПЁНКИНА

Вечером в степи начался дождь и прошел краем мимо Чевенгура, оставив город сухим; Чепурный этому явлению не удивился, он знал, что природа не мочит город в ненужное время. Однако целая группа прочих, вместе с Чепурным и Пиюсей, пошла в степь осмотреть мокрое место, дабы убедиться. Копёнкин же поверил дождю и никуда не пошел, а отдыхал с Двановым близ кузницы на плетне. Копёнкин плохо знал пользу разговора и сейчас высказывал Дванову, что воздух и вода дешевые вещи, но необходимые; то же можно сказать о камнях – они также на что-нибудь нужны. Своими словами Копёнкин говорил не смысл, а расположение к Дванову; во время же молчания томился.
– Товарищ Копёнкин, – спросил Дванов, – кто тебе дороже – Чевенгур или Роза Люксембург?
– Роза, товарищ Дванов, – с испугом ответил Копёнкин. – В ней коммунизма было побольше, чем в Чевенгуре, оттого ее и убила буржуазия, а город цел, хотя кругом его стихия..
У Дванова не было в запасе никакой неподвижной любви, он жил одним Чевенгуром – и боялся его истратить; он существовал одними ежедневными людьми – тем же Копёнкиным, Гопнером, Пашинцевым, прочими, но постоянно тревожась, что в одно утро они скроются куда-нибудь или умрут постепенно. Дванов наклонился, сорвал былинку и оглядел ее робкое тело: можно и ее беречь, когда никого не останется.
Копёнкин встал навстречу бегущему из степи человеку. Чепурный молча и без остановки промчался в глубь города. Копёнкин схватил его за шинель и окоротил:
– Ты что спешишь без тревоги?
– Казаки! Кадеты на лошадях! Товарищ Копёнкин, езжай, бей, пожалуйста, а я – за винтовкой!
– Саш, посиди в кузне, – сказал Копёнкин. – Я их один кончу, только ты не вылазь оттуда, а я – сейчас.

Четверо прочих, ходивших с Чепурным в степь, пробежали обратно, Пиюся же где-то залег одиноким образом в цепь — и его выстрел раздался огнем в померкшей тишине. Дванов побежал на выстрел с револьвером снаружи; через краткий срок его обогнал Копёнкин на Пролетарской Силе, которая спешила на тяжелом шагу, и вслед первым бойцам уже выступала с чевенгурской околицы сплошная вооруженная сила прочих и большевиков, — кому не хватило оружия, тот шел с плетневым колом или печной кочергой, и женщины вышли совместно со всеми. Сербинов бежал сзади Якова Титыча с дамским браунингом и искал, кого стрелять. Чепурный выехал на лошади, что возила Прокофия, а сам Прокофий бежал следом и советовал Чепурному сначала организовать штаб и назначить командующего, иначе начнется гибель.

Чепурный на скаку разрядил вдаль всю обойму и старался нагнать Копёнкина, но не мог. Копёнкин перепрыгнул на коне через лежачего Пиюсю и не собирался стрелять в противника, а вынул саблю, чтобы ближе касаться врага.

Враги ехали по бывшей дороге. Они держали винтовки поперек, приподняв их руками, не готовясь стрелять, и торопили лошадей вперед. У них были команда и строй, поэтому они держались ровно и бесстрашно против первых выстрелов Чевенгура. Дванов понял их преимущество и, установив ноги в ложбинке, сшиб четвертой пулей командира отряда из своего нагана. Но противник опять не расстроился: он на ходу убрал командира куда-то внутрь построения и перевел коней на полную рысь. В этом спокойном наступлении была машинальная сила победы, но и в чевенгурцах была стихия защищающейся жизни. Кроме того, на стороне Чевенгура существовал коммунизм. Это отлично знал Чепурный, и, остановив лошадь, он поднял винтовку и опустил наземь с коней троих из отряда противника. А Пиюся сумел из травы искалечить пулями ноги двоим лошадям, и они пали позади отряда, пытаясь ползти на животах и копая мордами пыль земли. Мимо Дванова пронесся в панцире и лобовом забрале Пашинцев — он вытянул в правой руке скорлупу ручной бомбы и стремился взять врага одним умственным страхом взрыва, так как в бомбе не имелось начинки, а другого оружия Пашинцев с собой не нес.

Отряд противника сразу, сам по себе, остановился на месте, как будто ехало всего двое всадников. И неизвестные Чевенгуру солдаты подняли по неслышной команде винтовки в упор приближающихся прочих и большевиков, — и без выстрела продолжали стремиться на город.

Вечер стоял неподвижно над людьми, и ночь не темнела над ними. Враг гремел копытами по целине, он загораживал от прочих открытую степь — дорогу в будущие страны света, в исход из Чевенгура. Пашинцев закричал, чтобы буржуазия сдавалась, и сделал в пустой бомбе перевод на зажигание. Еще раз была произнесена в наступающем отряде неслышная команда — винтовки засветились и потухли, семеро прочих и Пашинцев были снесены с ног, а еще четверо чевенгуровцев старались вытерпеть закипевшие раны и бежали убивать врага вручную.

Копёнкин уже достиг отряда и вскинул Пролетарскую Силу передом, чтобы губить банду саблей и тяжестью коня. Пролетарская Сила опустила копыта на туловище встреченной лошади, и та присела с раздробленными ребрами, а Копёнкин дал сабле воздушный разбег и помог ей всею живой силой своего тела, чтобы рассечь кавалериста прежде, чем запомнить его лицо. Сабля с Дребезгом опустилась в седло чужого воина и с отжогом отозвалась в руке Копёнкина; тогда он ухватил левой рукой молодую рыжую голову кавалериста, освободил ее на мгновение для своего размаха и тою же левой рукой сокрушил врага в темя, а человека сбросил с коня в землю. Чужая сабля ослепила Копёнкину глаза; не зная, что делать, он схватил ее одной рукой, а другой отрубил руку нападавшего вместе с саблей и бросил ее в сторону вместе с грузом чужой, отбитой по локоть, конечности. Тут Копёнкин увидел Гопнера, тот бился в гуще лошадей наганом, держа его за дуло; от напряжения и худобы лица или от сеченых ран кожа на его скульях и близ ушей полопалась, оттуда выходила волнами кровь; Гопнер старался ее стереть, чтобы она не щекотала ему за шеей и не мешала драться. Копёнкин дал ногой в живот всаднику справа, от которого нельзя проехать к Гопнеру, и только управился дать коню толчок для прыжка, иначе бы он задавил уже зарубленного Гопнера.

Копёнкин вырвался из окружения чужих, а с другого бока на разъезд противника напоролся Чепурный и несся на плохой лошади сквозь мечущийся строй кавалеристов, пытаясь убивать их весом винтовки, где уже не было патронов. От ярости одного высокого взмаха пустой винтовки Чепурный полетел долой с лошади, потому что не попал в намеченного врага, и скрылся в чаще конских, топчущихся ног. Копёнкин, пользуясь кратким покоем, пососал левую кровавую руку, которой он схватил лезвие сабли, а затем бросился убивать всех. Он пронизался без вреда через весь отряд противника, ничего не запомнив, и вновь повернул рычащую Пролетарскую Силу обратно, чтобы теперь все задержать на счету у памяти, иначе бой не даст утешения и в победе не будет чувства усталого труда над смертью врага. Пятеро кавалеристов оторвались от состава разъезда и рубили вдалеке сражающихся прочих, но прочие умели терпеливо и цепко защищаться – уже не первый враг загораживал им жизнь. Они били войско кирпичами и разожгли на околице соломенные костры, из которых брали мелкий жар руками и бросали его в морды резвых кавалерийских лошадей. Яков Титыч ударил одного коня горящей головешкой по заду так, что головешка зашипела от пота кожи под хвостом, – и завизжавшая нервная кобыла унесла воина версты за две от Чевенгура.

– Ты чего огнем дерешься? – спросил другой подоспевший солдат на коне. – Я тебя сейчас убью!

– Убивай, – сказал Яков Титыч. – Телом вас не одолеешь, а железа у нас нету…

– Дай я разгонюсь, чтобы ты смерти не заметил.

– Разгоняйся. Уж сколько людей померло, а смерть никто не считает.

Солдат отдалился, взял разбег на коне и срубил стоячего Якова Титыча.

Сербинов метался с последней пулей, которую он оставил для себя, и, останавливаясь, с испугом проверял в механизме револьвера – цела ли она.

– Я ему говорил, что убью, и зарубил, – обратился к Сербинову кавалерист, вытирая саблю о шерсть коня. – Пускай лучше огнем не дерется!

Кавалерист не спешил воевать – он искал глазами, кого бы еще убить и кто был виноват. Сербинов поднял на него револьвер.
– Ты чего? – не поверил солдат. – Я ж тебя не трогаю!
Сербинов подумал, что солдат говорит верно, и спрятал револьвер. А кавалерист вывернул лошадь и бросил ее на Сербинова. Симон упал от удара копытом в живот и почувствовал, как сердце отошло вдаль и оттуда стремилось снова пробиться в жизнь. Сербинов следил за сердцем и не особо желал ему успеха: ведь Софья Александровна останется жить, пусть она хранит в себе след его тела и продолжает существование. Солдат, нагнувшись, без взмаха разрезал ему саблей живот, и оттуда ничего не вышло – ни крови, ни внутренностей.
– Сам лез стрелять, – сказал кавалерист. – Если б ты первый не спешил, то и сейчас остался бы.
Дванов бежал с двумя наганами, другой он взял у убитого командира отряда. За ним гнались трое всадников, но их перехватили Кирей с Жеевым и отвлекли за собой.
– Ты куда? – остановил Дванова солдат, убивший Сербинова.
Дванов без ответа сшиб его с коня из обоих наганов, а сам бросился на помощь гибнущему где-то Копёнкину. Вблизи уже было тихо – сражение перешло в середину Чевенгура, и там топали лошадиные ноги.
– Груша! – позвал в наступившей тишине поля Кирей. Он лежал с рассеченной грудью и слабой жизнью.
– Ты что? – подбежал к нему Дванов.
Кирей не мог сказать своего слова.
– Ну, прощай, – нагнулся к нему Александр. – Давай поцелуемся, чтобы легче было.
Кирей открыл рот в ожидании, а Дванов обнял его губы своими.
– Груша-то жива или нет? – сумел произнести Кирей.
– Умерла, – сказал ему Дванов для облегчения.
– И я сейчас помру, мне скучно начинается, – еще раз превозмог сказать Кирей и здесь умер, оставив обледенелые глаза открытыми наружу.
– Больше тебе смотреть нечего, – прошептал Александр; он затянул его взор веками и погладил горячую голову. – Прощай.
Копёнкин вырвался из тесноты Чевенгура, в крови и без сабли,

но живой и воюющий. За ним шли в угон четыре кавалериста на изнемогших лошадях. Двое приостановили коней и ударили по Копёнкину из винтовок. Копёнкин обернул Пролетарскую Силу и понесся, безоружный, на врага, желая сражаться в упор. Но Дванов заметил его ход на смерть и, присев для точности прицела на колено, начал сечь кавалеристов из своей пары наганов, по очереди из каждого. Копёнкин наскочил уже на кавалеристов, опущенных под стремена взволнованных лошадей; двое солдат выпали, а другие двое не успели выпростать ног, и их понесли раненые кони в степь, болтая мертвецами под собой.

— Ты жив, Саш? — увидел Копёнкин. — А в городе чужое войско, и люди все кончились… Стой! Где-то у меня заболело…

Копёнкин положил голову на гриву Пролетарской Силы.

— Сними меня, Саш, полежать внизу…

Дванов снял его на землю. Кровь первых ран уже засохла на рваной и рубленой шинели Копёнкина, а свежая и жидкая еще не успела сюда просочиться.

Копёнкин лег навзничь на отдых.

— Отвернись от меня, Саш, ты видишь — я не могу существовать…

Дванов отвернулся.

— Больше не гляди на меня, мне стыдно быть покойным при тебе… я задержался в Чевенгуре и вот теперь кончаюсь, а Роза будет мучиться в земле одна…

Копёнкин вдруг сел и еще раз прогремел боевым голосом:

— Нас ведь ожидают, товарищ Дванов! — и лег мертвым лицом вниз, а сам стал весь горячий.

Пролетарская Сила подняла его тело за шинель и понесла куда-то в свое родное место на степной, забытой свободе. Дванов шел за лошадью следом, пока в шинели не разорвались тесемки, и тогда Копёнкин очутился полуголым, изрытым ранами больше, чем укрытый одеждой. Лошадь обнюхала скончавшегося и с жадностью начала вылизывать кровь и жидкость из провалов ран, чтобы поделить с павшим спутником его последнее достояние и уменьшить смертный гной.

Дванов поднялся на Пролетарскую Силу и тронул ее в открытую степную ночь. Он ехал до утра, не торопя лошади; иногда Пролетарская Сила останавливалась, оглядывалась обратно и

слушала, но Копёнкин молчал в оставленной темноте; и лошадь сама начинала шагать вперед.

Андрей ПЛАТОНОВ. Hekaýalar